

И.А. Овчинина

Пьер Безухов

Безухов Петр Кириллович, Пьер — центральный герой романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», незаконный сын «известного богача и красавца екатерининского времени старого графа Безухова». Из всех своих детей («Ведь у него только незаконные дети», — замечает графиня Ростова) Кирилл Владимирович Безухов выделял одного — Пьера. Граф постарался дать сыну хорошее образование и надеялся обеспечить ему карьеру. «Пьер с десятилетнего возраста был послан с гувернером аббатом за границу, где он пробыл до двадцатилетнего возраста».

В Россию Пьер возвратился в 1805 году, за три месяца до начала действия романа. Он застал отца в тяжелом состоянии, когда все ожидали его смерти. В высшем свете знали, что, беспокоясь о будущем сына, граф Безухов обратился к государю с просьбой признать Пьера его законным наследником. Сам же Пьер нимало не задумывается над тем, что его ожидает, и ведет довольно легкомысленный и безалаберный образ жизни.

Толстой представляет Пьера читателям при описании салона Анны Павловны Шерер. Это было его первое после приезда в Петербург появление в «большом свете». Хозяйка дома «приветствовала его поклоном, относящимся к людям низшей иерархии в ее салоне». Но в ее лице «изобразилось беспокойство и страх», которые бывают «при виде чего-нибудь несвойственного месту». В глазах Шерер Пьер — это человек, «не умеющий жить». Он постоянно нарушает этикет, не желая слушать пустых разговоров, не соблюдал принятый в салоне ритуал, словом, вел себя совершенно естественно.

От остальных участников вечера Пьер отличал «умный и вместе робкий, наблюдательный и естественный взгляд». «Он знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга, и у него, как у ребенка в игрушечной лавке, разбежались глаза». Он много ждал от этого вечера и «все боялся пропустить умные разговоры, которые он может услышать». Здесь он надеялся «высказать свои мысли, как это любят молодые люди».

Манера поведения сочетается у Пьера с неординарной внешностью. «Пьер был неуклюж. Толстый, выше обыкновенного роста, широкий, с огромными красными руками, он, как говорится, не умел войти в салон и еще менее умел из него выйти, то есть перед выходом сказать что-нибудь особенно приятное. Кроме того, он был рассеян». Все это окупалось «выражением добродушия, простоты и скромности». «Улыбка у него была не такая, как у других людей... Когда приходила улыбка, то вдруг, мгновенно исчезало серьезное и даже несколько угрюмое лицо, и являлось другое — детское, доброе, даже глуповатое и как бы просящее прощения». Ему, единственному в салоне Шерер, искренне обрадовался Андрей Болконский, ответив на его приветствие «неожиданно-доброю и приятною улыбкой».

За границей Пьер вобрал в себя дух «наполеонизма», и на вечере Анны Шерер он откровенно высказал отношение к Наполеону как к великому человеку. Пьер с жаром отстаивал своего кумира, сумевшего, как ему казалось, воплотить в жизнь идеи французской революции. «Наполеон велик, потому что он стал выше революции, подавил ее злоупотребления, удержав все хорошее — и равенство граждан, и свободу слова и печати — и только потому приобрел власть». Поэтому Пьер резко отрицательно относится к войне, воспринял действия России как покушение на лучшие завоевания Франции. «Ежели б это была война за свободу, я бы понял, я бы первый поступил в военную службу; но помогать Англии и Австрии против величайшего человека в мире... это нехорошо». Пьер и вообще не сторонник войн. Если б люди могли жить без них, «это-то и было бы прекрасно».

Обретая жизненный опыт, Пьер делает немало ошибок, свойственных молодости. Он приобщается к компании Анатоля Курагина, находя удовольствие в шумных попойках. Это создало ему недобрую славу в свете. Андрей Болконский советует ему дружески: «Перестань ты ездить к этим Курагиным, вести эту жизнь. Так это не идет тебе: все эти кутежи, и гусарство, и все...» Пьер дает князю Андрею слово более не бывать у Анатоля, однако тут же проявляет бесхарактерность, нарушив обещание. Правда, себя он утешил тем, что еще раньше дал слово Анатолю быть у него. «Наконец он подумал, что все эти честные слова — такие условные вещи, не имеющие никакого определенного смысла».

Попойка завершается скандальной историей, о которой стало известно в Москве, где жил старый граф Безухов. О подробностях поведала в доме Ростовых Марья Львовна Карагина. Пьер вместе с Долоховым и Анатодем Курагиным «достали где-то медведя, посадили его с собой в карету и повезли к актрисам. Прибежала полиция их унимать. Они поймали квартального и привязали его спина с спиной к медведю и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нем». За это «буйство» молодые люди были наказаны. В частности, Пьер был выслан с полицией в Москву из Петербурга. Карьеру, таким образом, он выбрать не смог и с позором был возвращен в дом отца.

События тем временем развивались довольно быстро. Старый граф Безухов скончался. Пьер был признан законным сыном Кирилла Владимировича и его наследником, он стал «владельцем самого огромного состояния в России».

Мнения о нем в свете были достаточно противоречивыми. Неприязненно отнеслась к нему Анна Павловна Шерер. Марья Львовна Карагина считает Пьера безнравственным человеком, которого нельзя принимать в своем доме. «Надеюсь, что здесь его никто не примет, несмотря на его богатство», — заявляет она Ростовым. Жюли в письме к княжне Марье назвала его «ничтожным», при этом сообщив о перемене «тона маменек, у которых есть дочери-невесты, и самих барышень в отношении к этому господину».

Совершенно иначе воспринимают Пьера в семье Ростовых и Болконских. Княжна Марья решительно не согласна с мнением Жюли, о чем и написала ей в письме. «Мне казалось, что у него было всегда прекрасное сердце». Религиозная Марья предчувствовала, что Пьеру придется пройти через множество искушений и испытаний. И Андрей относится к нему с теплотой и участием. «Ты мне дорог, особенно потому, что ты один живой человек среди всего нашего света», — признался Болконский после их первой встречи у Шерер.

История с квартальным у старого графа Ростова вызвала искренний и добродушный смех. В тот же день Пьер получил от Ростовых приглашение на обед. Стеснительность и робость Пьера в сочетании с завидным аппетитом («он не пропускал ни одного блюда») очень забавляют Наташу. Ей был интересен и симпатии чен этот большой и толстый человек, приехавший из-за границы. «А знаешь, этот толстый Пьер... такой смешной!» — сказала она Соне,

В людях Пьер еще совершенно не научился разбираться. Ему кажется, что все его любят и желают ему добра. На него свалилось много дел, в которых он ничего не смыслил. И он полностью доверился тем, кто пытался им руководить.

Лучше всего роль наставника удалась Василию Курагину, которому инстинкт подсказал, что Пьер ему может быть полезен. Стараниями Курагина Пьер был зачислен в дипломатический корпус, стал камер-юнкером. Князь Василий настоял на том, чтобы Пьер переехал в Петербург и остановился в его доме. Пьер охотно принимает помощь князя, и его положение в свете резко меняется. Отныне в салоне Шерер поощрялся каждый его шаг, поддерживалось каждое его слово. «Пьеру так естественно казалось, что все его любят, так казалось бы неестественно, ежели бы кто-нибудь не полюбил его, что он не мог не верить в искренность людей, окружавших его. <...> Он чувствовал себя центром какого-то важного общего движения; чувствовал, что от него что-то постоянно ожидается; что, не сделай он того-то, он огорчит многих и лишит их ожидаемого, а сделай

то-то и то-то, все будет хорошо, — и он делал то, что требовали от него, но это что-то хорошее все оставалось впереди».

Скоро Пьер попадает в сети, расставленные Василием Курагиным, и женится на его дочери Элен. Внутренний голос робко подсказывает ему, что это не есть любовь («Что-то гадкое есть в том чувстве, которое она возбудила во мне, что-то запрещенное»), что от нее исходило что-то «противоестественное», нечестное.

Такой брак не мог оказаться счастливым. Он приносит Пьеру страдания и разочарования. Холодная и безнравственная Элен не любит и не ценит Пьера. Скоро он понял, что женитьба явилась большой ошибкой. Разрыв с женой произошел в Москве на обеде в честь Багратиона. Оскорбляемый насмешками любовника Элен Долохова, Пьер вызывает обидчика на дуэль. Перед дуэлью он размышляет: «...К чему... эта дуэль, это убийство? Или я убью его, или он попадет мне в голову, в локоть, в коленку. Уйти отсюда, бежать, зарыться куда-нибудь», — приходило ему в голову. Но именно в те минуты, когда ему приходили такие мысли, он с особенно спокойным и рассеянным видом, внушавшим уважение смотревшим на него, спрашивал: «Скоро ли, готово ли?» Никогда ранее не державший в руке пистолета Пьер не только не был убит дуэлянтом и циником Долоховым, но даже ранил противника. Когда Элен начала делать мужу выговор за происшедшее, Пьер в гневе едва не убил ее мраморной доской, которую он схватил «с неизвестной еще ему силой». «Природа отца сказалась в нем. Пьер почувствовал увлечение и прелесть бешенства». В результате он «выдал жене доверенность на управление всеми великорусскими именьями, что составляло большую половину его состояния», и вернулся к одинокому образу жизни.

Как человек большой совести он не склонен был всю вину взваливать на Элен. Прежде всего Пьер обвиняет самого себя. Перед ним встали главные вопросы, которые он постоянно задавал себе: «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем? — спрашивал он себя. И не было ответа ни на один из этих вопросов, кроме одного, не логического ответа, вовсе не на эти вопросы. Ответ этот был: “Умрешь — все кончится. Умрешь и все узнаешь — или перестанешь спрашивать”. Но и умереть было страшно».

В состоянии смятения и потрясения Пьер выехал из Москвы и на станции в Торжке встретился с масоном Баздеевым. Разговор с ним имел решающее значение для Пьера. Баздеев указал ему путь нравственного совершенствования. Слушая собеседника, Пьер «испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения к жизни». Баздеев внушал ему, что «высшая мудрость основана не на одном разуме». Чтобы ее познать, «необходимо очистить и обновить своего внутреннего человека, и потому прежде, чем знать, нужно верить и совершенствоваться». Услышав горькую правду о своей жизни, о том, что он никому не помог ни нравственно, ни физически, Пьер попросил этого человека помочь ему обрести душевную гармонию.

Перед Пьером открылась новая сторона жизни. Он совершенно отказался от светской жизни, испытывая потребность в «братской и деятельной любви», в стремлении к совершенству. Затем он прошел обряд посвящения в масоны, вызвавший у него противоположные чувства. Он ощутил радость, почувствовал особую торжественность, и одновременно в нем зарождалось сомнение («Не будет ли мне стыдно вспоминать это?»), так как среди масонов он увидел людей, хорошо ему известных по петербургскому обществу. После вступления в масоны Пьер «совершенно изменился и отстал от прежнего порядка и привычек жизни».

Дуэль с Долоховым и разрыв Пьера с Элен в обществе получили осуждение, сам Пьер резко упал в его мнении, «тем более что он не умел и не желал заискивать общественного благоволения». Рупор высшего света, Анна Павловна Шерер стала говорить: «Это безумный молодой человек, испорченный развратными идеями века».

В это время Пьер пытался творить добрые дела. Он обратился к хозяйственным заботам, решил улучшить положение крестьян. В его намерения входило открыть школы,

больницы, приюты в каждом имении Киевской губернии, «где находилась большая часть его крестьян». Но его благие пожелания успехом не увенчались — управляющие довольно легко обманули Пьера, инсценировав для него картины идиллической жизни мужиков, которые стали жить хуже прежнего после этих «преобразований». «Он не знал, что там, где управляющий указывал ему по книге на уменьшение по его воле оброка на одну треть, была наполовину прибавлена барщинная повинность». Он был «восхищен своим путешествием по имениям», радуясь, что смог сделать «много добра».

В приподнято-счастливом настроении Пьера навестил своего друга Андрея Болконского, с которым не виделся с 1805 года. Андрея он застал в очень сложном состоянии после крушения его иллюзий в войне с Наполеоном. Бодрость и энергия, жизнелюбие и надежды на будущее Пьера не соответствовали душевному кризису Болконского. Встреча эта оказалась полезной для обоих. Ум Андрея подвергал сомнению все начинания Безухова. Пьер не мог согласиться со взглядами на жизнь, что исповедовал Андрей, но и боялся с ним спорить, так как «предчувствовал, что князь Андрей одним словом, одним аргументом уронит все его ученье; и он боялся... выставить на возможность осмеяния свою любимую святыню».

Как братья масоны помогли Пьеру обрести смысл жизни, указав ему на единственно возможный для него (так ему казалось) путь, так и он страстно желал теперь помочь Болконскому обрести в душе свет. Он излагает другу свои взгляды на масонство. «Масонство — это не религиозная, не обрядная секта... а масонство есть лучшее, единственное выражение лучших, вечных сторон человечества». В масонстве он видит «учение равенства, братства и любви». Вдохновившись, он убеждает Андрея вступить в масонство («Дайте нам себя, позвольте руководить собой»), чтобы постичь высший смысл жизни. Зная атеистические взгляды своего друга, Пьер убежденно говорит о боже-стве, о «высшей силе» («мы теперь дети земли, а вечно — дети всего мира»), о бессмертии, о будущей жизни («Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был»). «Надо жить, надо любить, надо верить», — говорит Пьер князю Андрею.

Самому Пьеру нелегко давалось совершенствование своего «внутреннего человека». В Петербурге он постепенно «стал во главе петербургского масонства», он был почти единственным, кто давал огромные пожертвования на различные дела, «поддерживал дом бедных». При этом Пьер по-прежнему вел такую жизнь, к какой привык, «с теми же увеселениями и распушенностью». К тому же его смущало то, что среди масонов были люди, которые, по его мнению, были слабыми и ничтожными. К Пьеру все чаще стали приходиться сомнения, неудовлетворенность своей деятельностью. «Он и не думал сомневаться в самом масонстве, он подозревал, что русское масонство пошло по ложному пути и отклонилось от своего источника». Поэтому Пьер принял решение поехать за границу «для посвящения себя в высшие тайны ордена».

Масоны ожидали его возвращения и с большим вниманием прослушали его речь, с которой Пьер выступил по приезде в Петербург. Он обозначил перед братьями-каменщиками цель — освободиться от предрассудков, «принять на себя воспитание юношества», преодолеть «неверие и глупость». Для достижения этой цели необходимо «везде и всеми силами преследовать порок и глупость и покровительствовать таланты и добродетель». Он предлагал «учредить всеобщий владычествующий образ правления, который бы распространялся над целым светом». Масоны холодно встретили это выступление, усмотрев в нем довольно опасные конституционные идеи. Баздеев позднее объяснил Пьеру, что «главная обязанность истинного масона... состоит в совершенствовании самого себя». С этим Пьер совершенно согласился.

Желание искоренить зло в себе не было лишь только формой. Пьер решил простить жену и принять ее в свой дом («Никто не прав, никто не виноват, стало быть, и она не виновата», — думал он). Он терпел и жену («она была очень глупа»), и ее окружение. «В глазах света Пьер был большой барин, несколько слепой и смешной муж знаменитой

жены, умный чудак, ничего не делающий, но и никому не вредящий, славный и добрый малый. В душе же Пьера происходила... сложная и трудная работа внутреннего развития, открывшая ему многое и приведшая его ко многим духовным сомнениям и радостям». Он был совсем далек от суеты высшего света. Наташе Ростовой бросилось в глаза поведение Пьера на бале у екатерининского вельможи. «Пьер шел... кивая направо и налево так же небрежно и добродушно, как бы он шел по толпе базара».

Долго жить такой жизнью Пьер не мог. Любовь Андрея и Наташи, их помолвка только подчеркнули горесть внутреннего одиночества Пьера. После смерти Баздеева он «стал опять много пить, сблизился с холостыми компаниями» и после справедливого замечания жены уехал в Москву. Там он почувствовал себя уютно, «как в старом халате», стал любимцем московского общества, раздавал деньги направо и налево. Но никогда в нем не останавливалась духовная работа. «На Пьера не находили, как прежде, минуты отчаяния, хандры и отвращения к жизни; но та же болезнь, выражавшаяся прежде резкими припадками, была вогнана внутрь и ни на мгновение не покидала его. «К чему? Зачем? Что такое творится на свете? – спрашивал он себя с недоумением: по несколько раз в день, невольно начиная вдумываться в смысл явлений жизни; но опытом зная, что на вопросы эти не было ответов, он поспешно старался отвернуться от них, брался за книгу, или спешил в клуб...»

Пьер, с его умом и сердцем, несомненно, был на голову выше всех тех, кто составлял так называемое «избранное общество». Это высоко ценил в Пьере Андрей Болконский. Именно к нему Андрей рекомендовал Наташе в трудную минуту обратиться за помощью и советом, когда прощался с ней перед своим отъездом за границу. «Это самый рассеянный и смешной человек, но самое золотое сердце», – отметил Болконский.

К Наташе Ростовой Пьер относился с нежной преданностью друга, восхищался и любовался ею. Участие Элен в истории оболыщения Наташи Анатолом Курагиным вызвало в нем ярость. Самого Курагина он чуть не задушил, заставив его вернуть Наташе ее письма и покинуть Москву (правда, для этого Пьеру пришлось снабдить Анатоля деньгами). Увидев Наташу после ее неудавшегося побега с Анатолом, он понял, что творилось в ее душе и проникся чувством подлинного сострадания и любви к ней. «Ежели бы я был не я... и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей», – признался Пьер в порыве «умиления и любви». Он очень тяжело переживал разрыв Наташи с Андреем, пытался смягчить сердце Андрея. Пьер все сильнее стал чувствовать, как много значила в его жизни Наташа. «Нельзя было осторожнее и вместе с тем серьезнее обращаться, чем обращался с нею граф Безухов».

Начало войны 1812 года Пьер воспринял как катастрофу, которая все должна изменить в его жизни. Из имени Наполеона путем математических исчислений, основанных на цифровом значении букв, он вывел число 666 — оно соответствовало «числу зверя», названному в Апокалипсисе. Немного подтасовав результат, он обнаружил то же число и в своей фамилии. «Как, какою связью был он соединен с тем великим событием, которое было предсказано в Апокалипсисе, он не знал, но он ни на минуту не усомнился в этой связи» и решил, что его предназначение — положить конец власти зверя.

После того как французы взяли Смоленск и возникла угроза для Москвы, Пьер отправился в армию, к Можайску, чтобы самому все увидеть и во всем разобраться. Человек мирный, штатский, он особенно остро воспринимал все происходящее. «Он испытывал теперь приятное чувство сознания того, что все то, что составляет счастье людей, удобства жизни, богатство, даже самая жизнь, есть вздор, который приятно откинуть в сравнении с чем-то... С чем, Пьер не мог себе дать отчета, да и не старался уяснить себе, для кого и для чего он находит особенную прелесть пожертвовать всем. Его не занимало то, для чего он хочет жертвовать, но самое жертвование составляло для него новое радостное чувство».

Толстый, заметный, в белой шляпе, он оказался в самой гуще Бородинского боя, на батарее Раевского. Солдаты, вначале недоумевавшие при виде Пьера, вскоре «мыслен-

но приняли» его «в свою семью, присвоили себе и дали ему прозвище: “наш барин” прозвали его и про него ласково смеялись между собой».

В пылу и неразберихе боя Пьер чуть не задушил французского офицера, хотя столкнулись они совершенно случайно, и Пьер никакой ненависти к врагу не испытывал. Сражение, свидетелем которого он был, заставило его содрогнуться при виде крови и человеческих страданий. «Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали!» – думал Пьер...» На постоялом дворе неподалеку от Москвы Пьер заночевал и увидел сон. Кто-то «вне его» приоткрывал Пьеру завесу над тайнами бытия. «Война есть наитруднейшее подчинение свободы человека законам Бога, – говорил голос. – Простота есть покорность Богу; от него не уйдешь. И *они* (солдаты, с которыми Пьер общался все эти дни) просты. *Они* не говорят, но делают. Сказанное слово серебряное, а несказанное — золотое. Ничем не может владеть человек, пока он боится смерти. А кто не боится ее, тому принадлежит все. Ежели бы не было страдания, человек не знал бы границ себе, не знал бы себя самого. Самое трудное (продолжал во сне думать или слышать Пьер) состоит в том, чтобы уметь соединять в душе своей значение всего. Все соединить? – сказал себе Пьер. – Нет, не соединить. Нельзя соединять мысли, а *сопрягать* все эти мысли — вот что нужно! Да, *сопрягать надо, сопрягать надо!*» – с внутренним восторгом повторил себе Пьер, чувствуя, что этими именно, и только этими словами выражается то, что он хочет выразить, и разрешается весь мучающий его вопрос».

После Бородинского сражения, открывшего Пьеру весь ужас войны, он вернулся в Москву и принял решение остаться в столице, куда вот-вот должен был войти неприятель. Ростовы, покидавшие город, увидели у Сухаревой башни Пьера, одетого в «кучерской кафтан». У него возникает мысль принять участие в «предполагаемой — как он это знал — народной защите Москвы». Когда же стало ясно, что этой защиты не будет, он испытал неодолимую потребность «положить предел власти зверя», убить Наполеона и тем самым «прекратить несчастье Европы». Пьер ощутил в себе «чувство потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья». «Да, один за всех, я должен совершить или погибнуть! – думал он. – Да, я пойду... и потом вдруг... Пистолетом или кинжалом? – думал Пьер. – Впрочем, все равно. Не я, а рука Провидения казнит тебя... скажу я (думал Пьер слова, которые он произнесет, убивая Наполеона). – Ну что ж, берите, казните меня...»

В Москве Пьер спас от пули полусумасшедшего брата покойного Баздеева французского капитана Рамбаля. Когда в мирной беседе Пьер открыл капитану свое имя и происхождение, тот был очень удивлен, ибо принял Пьера за француза. Однако более всего Рамбаля поразило то, «что Пьер был очень богат, что он имел два дворца в Москве и что он бросил все и не уехал из Москвы, а остался в городе, скрывая свое имя и звание».

Во время пожара Пьер отказался на улицах Москвы в особом, «восторженном» состоянии. Он все еще не расстался с намерением убить Наполеона, однако теперь «как будто главная цель Пьера состояла не в том, чтоб исполнить задуманное дело, а в том, чтобы показать самому себе, что не отрекается от своего намерения и делает все для исполнения его...». Он был задержан французами по подозрению в мародерстве и в поджигательстве и оказался в плену. Он едва не потерял веру в жизнь после того, как (он сам едва не был расстрелян) ему пришлось стать свидетелем расстрела пятерых простолюдинов, обвиненных в поджигательстве Москвы. «...В душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу бессмысленного сора. В нем... уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога».

Примириться с жизнью, принять ее (невзирая ни на какие обстоятельства) помог ему Платон Каратаев. Неторопливыми, мягкими, спокойными движениями, ласковым голосом Каратаев успокаивал и Пьера. «Не тужи, дружок: час терпеть, а век жить!» – такова жизненная философия этого человека, оказавшего сильнейшее воздействие на Безухова. После первой же беседы с Каратаевым Пьер начинает ощущать, что «прежде разрушен-

ный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, двигался в его душе».

В плену Пьер заметно опростился. Он совсем не страдал от отсутствия комфорта, от грязи, от самого факта пленения. «Одеяние Пьера теперь состояло из грязной продранной рубашки, единственном остатке его прежнего платья, солдатских порток, завязанных для тепла веревочками на щиколотках по совету Каратаева, из кафтана и мужицкой шапки». Но «выражение глаз было твердое, спокойное и оживленно-готовое, такое, какого никогда не имел прежде взгляд Пьера». Напротив, в нем замечалась энергия, «подобранность» — следствие работы мысли и души. Он долго искал в своей жизни «успокоение, согласия с самим собою», безуспешно «искал этого путем мысли» и нашел успокоение и согласие «только через ужас смерти, через лишения и через то, что он понял в Каратаеве». Он пришел к новому пониманию счастья: «отсутствие страданий, удовлетворение потребностей и вследствие того свобода выбора занятий, то есть образа жизни».

Все, что он пережил с того момента, как оказался на Бородинском поле (сражение, пожар Москвы, плен), научило его умению «ждать и терпеть». Физическую несвободу Пьер переносил довольно легко, потому что ощущал себя частью огромного мира, которую взяли в плен и «посадили в балаган, загороженный досками». Следовательно, рассуждал он, его несвобода — это всего лишь иллюзия французов. «В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня — мою бессмертную душу! Ха, ха, ха!..» Пьер понял, «что на свете нет ничего страшного».

Чувство внутренней свободы не оставило Пьера и после вызволения его из плена. «То самое, чем он прежде мучился, чего он искал постоянно, цель жизни — теперь для него не существовала. Эта искомая цель жизни теперь не случайно не существовала для него, но в настоящую только минуту, но он чувствовал, что ее нет и не может быть. И это отсутствие цели давало ему то полное, радостное сознание свободы, которое в это время составляло его счастье. <...> Это искание цели было только искание Бога; и вдруг он узнал в своем плену не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством то, что ему давно уж говорила нянюшка: что Бог вот он, тут, везде. Он в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитектоне вселенной. Он испытывал чувство человека, нашедшего искомое у себя под ногами, тогда как он напрягал зрение, глядя далеко от себя... Прежде разрушавший все его умственные постройки страшный вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос — зачем? в душе его всегда готов был простой ответ: затем, что есть Бог, тот Бог, без воли которого не спадет волос с головы человека». Даже слуги заметили, что их барин «много попростел». И когда он думал о смерти Андрея Болконского, ему всего важнее было знать, смягчился ли он перед кончиной. «Так он успокоился? смягчился?» — настойчиво спрашивал Пьер княжну Марью, выслушав ее рассказ о брате. Самого Пьера «страшно поразила» смерть его жены Элен («смерть... без друзей, без утешения»). Он чувствовал себя виноватым «перед человеком, которого уже нет больше».

Княжне Марье Пьер подробно поведал о своих приключениях, испытаниях и духовных исканиях, в результате которых он пришел к главному выводу: «Пока есть жизнь, есть и счастье». И Марья Болконская «видела возможность любви и счастья между Наташей и Пьером».

С каждым годом в Пьере росло чувство любви к Наташе Ростовской, которую он помнил еще девочкой, удивительно умевшей доставить ему радость и успокоение. Это чувство («любовь переполняла его сердце») определяло его отношение к другим людям, делало его терпимее и добрее. «Беспричинно любя людей», Пьер «находил несомненные причины, за которые стоило любить их».

В эпилоге (действие происходит через семь лет после 1812 года) сообщается, что в 1813 году Пьер женился на Наташе Ростовской. Он стал заботливым отцом четверых детей и любящим мужем и обрел в семье счастье. По мнению окружающих, «Пьер был под башмаком своей жены» (Пьер охотно подчинялся всем требованиям жены). «Взамен этого

Пьер имел полное право у себя в доме располагать не только самим собою, как он хотел, но и всю семью». Семейная жизнь укрепляла Пьера духовно («Пьер чувствовал радостное, твердое сознание того, что он не дурной человек»), помогала ему утвердиться и в собственных глазах.

Пьера искренне любили в доме Николая и Марьи Ростовых. Его приезду радовались слуги («всем будут богатые подарки к празднику»), дети и гувернантки («никто не умел вовлекать их в общую жизнь, как Пьер»). С его появлением Николай становился «добрее и веселее». Пьер был предметом «восхищения и страстной любви» Николеньки Болконского. В финальных сценах романа Пьер изображен деликатным и внимательным, счастливым и гармоничным человеком.

Однако Пьер не замкнулся в семейной сфере. Его волнует положение дел в государстве, в общественной жизни. В разговоре с Николаем Ростовым Пьер с болью говорит о надвигающейся катастрофе. «В судах воровство, в армии одна палка: шагистика, поселения; мучат народ, просвещение душат. Что молодо, честно — то губят!» По его мнению, всему этому честные люди должны «противодействовать по мере сил». Сам Пьер стал одним из основателей тайного общества. Объясняя Николаю задачи общества («Мы только для того, чтобы Пугачев не пришел резать и моих и твоих детей и чтоб Аракчеев не послал меня в военное поселение»), Пьер подчеркнул, что общество «не только не враждебное правительству», но что оно состоит из «джентльменов в полном значении этого слова». Члены общества объединились «с одной целью общего блага в общей безопасности».

Николай, для которого «долг и присяга выше всего», не может согласиться с Пьером. Он понимает, что, как бы ни был ему дорог зять, он подчинится своему долгу — «повиноваться» правительству. Он не испытывает к Пьеру никакой враждебности — напротив, его отношение к мужу Наташи основано на глубоком уважении и искренней симпатии. «Да, Пьер всегда был и останется мечтателем», — с теплотой сказал он в разговоре с Марьей.

Сам о себе Пьер говорит: «Когда меня занимает мысль, то все остальное забава». В глазах Наташи Пьер — это «важный и нужный человек для общества». «А дядя Пьер! О, какой чудный человек!» — заключил Николенька Болконский. Не случайно реплика эта (она завершает сюжетную часть повествования) доверена ребенку, устами которого говорит высшая для Толстого интуитивная мудрость.